

КАРЛ ЭРНСТ ФОН БЭР – АРХИТЕКТОР КРАНИОЛОГИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКИХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ)

В.И. Хартанович, М.В. Хартанович

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

В статье рассматриваются первые этапы и принципы создания краниологического фонда Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Освещен вклад академика Карла Эрнста фон Бэра в разработку структуры антропологического научно-музейного собрания и создание коллекций.

Ключевые слова: *Кунсткамера, Академия наук, история антропологии, краниологические коллекции, антропологическая фотография, Карл Бэр*

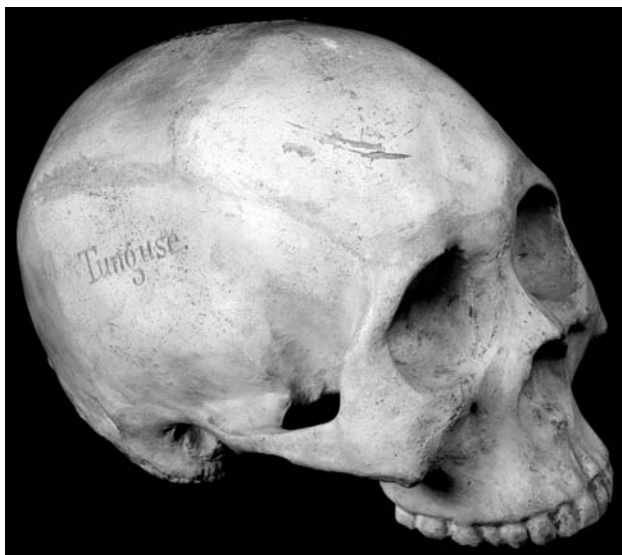
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН – наследник и приемник первого государственного музея – Кунсткамеры Академии наук. Кунсткамеру зачастую называют колыбелью российской науки. В Кунсткамере в XVIII–XIX вв. сосредотачивались, изучались и экспонировались для широкой аудитории коллекции из мира живой и неживой природы, анатомии, истории различных народов.

Сбор материала для изучения антропологии и ее раздела – краниологии, получил в Академии наук систематический характер начиная с 1840-х гг. благодаря усилиям одного из крупнейших биологов XIX в., основателя эмбриологии, основоположника антропологии в России, академика Петербургской Академии наук Карла Эрнста фон Бэра (1792–1876).

Однако уже в последние десятилетия XVIII в. в России среди российских медиков краниология уже являлась предметом научного интереса, а краниологический материал – предметом научного коллекционирования. Он был востребован в первую очередь в западноевропейских научно-просветительских центрах. Российские медики собирали и пересылали черепа представителей разных народов Российской империи для исследования за рубежом, что в целом содействовало общеевропейскому развитию антропологии и краниологии.

Так, в 1780–1790-е гг. большой вклад в становление европейской антропологии и краниологии внес уроженец Санкт-Петербурга, выпускник Геттингенского университета, военный врач Георг Томас фон Аш (1729–1807). Став иностранным членом-корреспондентом Геттингенского научного общества, Г.Т. фон Аш пересылал профессору Геттингенского университета, «отцу физической антропологии», Иоганну Фридриху Блуменбаху (1752–1840) черепа народов Российской империи [Daugherty, 2010, p. 73, 166]. Черепа для краниологического собрания И.Ф. Блуменбаха через Г.Т. фон Аша также направлял военный врач, профессор Московской медико-хирургической школы, член-корреспондент Королевского научного общества в Геттингене Иоганн Конрад фон Гильдебрандт (1747–1831). Профессор анатомии и физиологии Петербургской Академии наук, один из основоположников учения об индивидуальном развитии организмов Каспар Фридрих Вольф (1734–1794) отправил для собрания Блуменбаха череп «мавра» (негра?) [Daugherty, 2010, p. 633].

Некоторые из этих материалов, можно сказать, вернулись в Россию несколько позже. Так, в 1858 г. Карл Эрнст фон Бэр совершил поездку за рубеж для ознакомления с коллекциями и работами европейских антропологов и обсуждения единой методики измерения черепов. Он посетил



Илл. 1. Гипсовый слепок черепа тунгуса из коллекции И.Ф. Blumenбаха работы Фр. Кюстгардта. Геттинген. 1850-е гг. (?) МАЭ № 5075-4

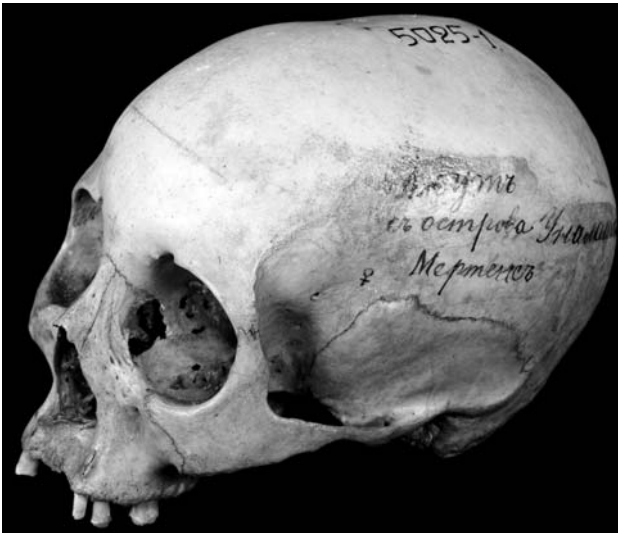
музей И.Ф. Blumenбаха в Геттингене и привез для будущего антропологического музея Академии наук коллекцию гипсовых слепков с черепов, в том числе, и поступивших в Геттинген из России благодаря врачу Г.Т. фон Ашу (МАЭ № 5075) (илл. 1), а также коллекцию гипсовых бюстов расовых типов (МАЭ № 4481) (илл. 2).

Безусловно, практикующие гражданские и военные хирурги располагали более широкими возможностями в получении материалов для исследований в этом разделе науки, нежели сотрудники Академии наук. Кроме того, во многих случаях они обладали достоверной информацией об останках – возрасте, поле, национальной принадлежности, месте жительства, заболеваниях.

В первое десятилетие XIX в. эти факторы были учтены для организации в Кунсткамере Академии наук собственного краниологического собрания. 18 декабря 1811 г. Медицинский департамент Министерства полиции уведомил губернские врачебные управы о предписании доставлять в Академию наук черепа разных народов. В письме министра полиции А.Д. Балашова упоминалось, что на заседании конференции Академии наук было принято решения об организации в академическом музее собрания черепов разных народов, населяющих Россию, и министр народного просвещения А.К. Разумовский просил содействия в этом «похвальном намерении». А.Д. Балашов предложил обязать врачебные управы присылать в Академию наук черепа народов, «избирая такие,



Илл. 2. Гипсовый бюст представителя малайской расы (по И.Ф. Blumenбаху) работы Э.Ш. фон дер Лаунитца. Геттинген. 1850-е гг. (?) МАЭ № 4481-2



Илл. 3. Череп из собрания К.Г. Мертенса с надписью «Алеут с острова Уналашка. Мертенс». МАЭ 5025-1

которые в образовании своем имеют национальный отличительный какой-либо признак» [Хартанович, 1999, с. 101]. По опубликованным в Протоколах Академии наук сведениям было выявлено, что в ответ на это распоряжение уже в 1812 г. из Смоленской губернской врачебной управы в Академию наук для формирующейся краниологической коллекции были доставлены два черепа, но они не сопровождались какими-либо пояснениями [Memoires ... 1815, p. 16].

Таким образом, можно обозначить организационное начало систематического сбора материалов по краниологии народов Российской империи для Академии наук, происходившего на государственном уровне.

В начале 1830-х гг. «де-факто» осуществилось разделение собраний Кунсткамеры Академии наук на специализированные музеи, представлявшие отдельные научные отрасли. «Де-юре» эти изменения были сформулированы в Уставе Академии наук 1836 г. На основании универсального собрания Кунсткамеры были созданы этнографический, зоологический, зоотомический, ботанический и другие музеи системы Академии наук. Они получили отдельное финансирование и штат, что обеспечивало развитие в русле специализированного научного направления.

Немногочисленные имевшиеся тогда черепа людей, по выражению К. Бэра, «должны были искать себе убежище» [Бэр, 1859, с. 9] в Зоологическом музее, где экспонировались препараты по сравнительной анатомии животных. Предвестниками отдельного собрания по антропологии Бэр

называл черепа коренных жителей Русской Америки: алеутов, тлинкитов, эскимосов (собиратель – медик, натуралист К.Г. Мертенс), а также гавайца (собиратель – И. Кастальский), доставленные из кругосветного плавания М.Н. Станюковича и Ф.П. Литке на шлюпах «Моллер» и «Сенявин» (1826–1829) [Бэр, 1859, с. 9]. Эти коллекции и поныне хранятся в отделе антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ № 5025) (илл. 3).

Крупным событием, определившим передачу краниологических материалов из Зоологического музея в анатомический кабинет Академии наук, стал дар российскому правительству от полковника Й. Пейча коллекции из 83 черепов народов материковой и островной Юго-Восточной Азии, преподнесенной в 1841 г. Сведения о Й. Пейче скупы: с 1813 по 1815 г. он служил полковым врачом в русской армии. В 1816 г. приехал в голландскую Восточную Индию и занимал должность инспектора медицинских учреждений и военных госпиталей. В 1837 г. он вернулся в Нидерланды, заведывая, в честь службы в русской армии, краниологическую коллекцию для российского правительства. Й. Пейч скончался в 1838 г., а его волю выполнил врач, коллекционер, дипломат Франц Филипп фон Зибольд [Бэр, 1859, с. 10] (илл. 4).

В 1841 г. великий князь Константин Николаевич в сопровождении своего наставника адмирала Ф.П. Литке посетил г. Лейден и Museum Japonicum Ф. фон Зибольда. Исполняя волю Пейча, Зибольд просил высокого гостя принять в дар краниологическую коллекцию для музея Академии наук. Коллекция полковника Й. Пейча, вызвавшая восхищение К. Бэра искусством препарирования, сохранностью и этническим разнообразием, также поныне хранится в отделе антропологии (МАЭ № 5499) (илл. 4).

Приобретение этого дара – крупной систематизированной краниологической коллекции послужило поводом для назначения в начале 1842 г. академика по кафедре зоологии Карла Бэра директором Анатомического кабинета [Карл Бэр и Петербургская академия наук: Письма деятелям Петербургской академии, 1975, с. 23, 89–90]. В то время Анатомический кабинет состоял преимущественно из коллекции Фредерика Рюйша и российской тератологической коллекции. По инициативе Бэра имевшиеся в Зоологическом музее черепа людей были переданы в новый анатомический кабинет.

Карл Бэр решительно приступил к организации интенсивного развития краниологического собрания Академии наук. Задача по сбору черепов

различных народов для сравнительной антропологии ставилась Бэром перед учеными, отправлявшимися в экспедиции от Академии наук: А. Кастреном, А. Миддендорфом, Ф. Коленати и др.

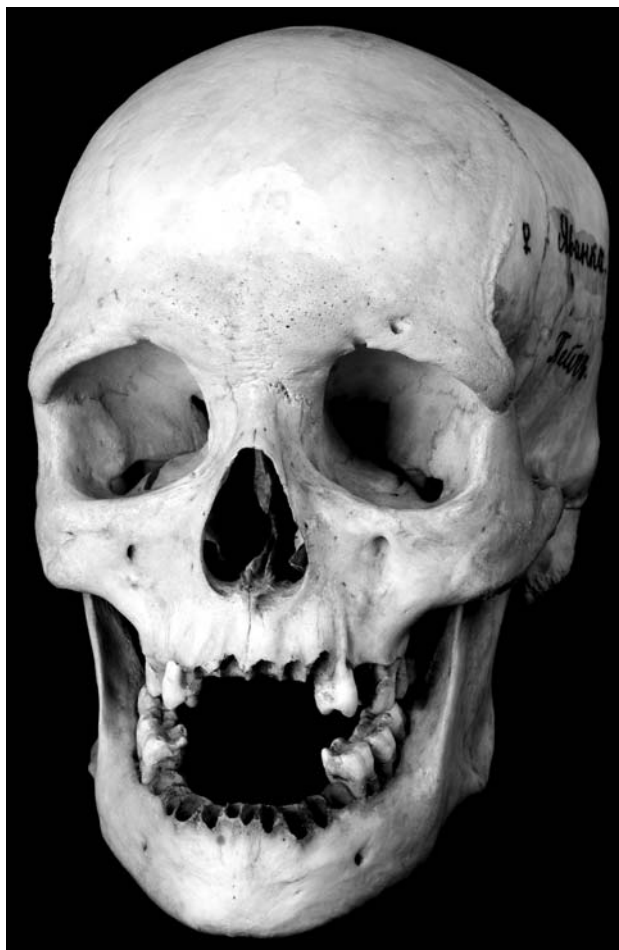
В статье «Известия о собрании черепов разных народов в императорской С.-Петербургской Академии наук»¹ Карл Бэр обратился к врачам и друзьям естествознания с просьбой в интересах науки и отечества передавать в музей краниологические материалы, подчеркивая необходимость сопровождения их достоверными сведениями. Ученый разъяснял важность увеличения количественного показателя образцов и составления серии для проведения сравнительных измерений. Он отмечал, что антропологические сведения важны для этнографического изучения народов, но в первую очередь они требуются для комплексного анализа данных, полученных при археологических раскопках погребений. «Без сомнения, – утверждал Бэр, – нет ни одного государства, для которого богатое собрание черепов представляло бы столько интереса, и было бы столь важно для изучения его прошедшего, как Русское» [Бэр, 1859, с. 17].

Краниологические материалы, поступившие в 1840–1860-е гг. от ученых, путешественников, медиков, хранятся в отделе Антропологии музея. На них рукою Бэра надписаны этническая принадлежность, место находки, имя дарителя (например, колл. МАЭ № 4615, 4646, 5009 и др.)

Воодушевляющее отношение К.Э. Бэра к собиранию коллекций иллюстрирует просьба ученого к К.Ф. Литке – командиру винтовой лодки «Горностай» – совершившего плавание из Кронштадта через Магелланов пролив в устье р. Амур. В августе 1866 г. Бэр в письме Литке просил привезти для музея череп гилеяка и айна. Ученый вдохновляющее сообщал, что «на каждой голове будет стоять ясными буквами “Подарок кругосветного мореплавателя Константина Литке” <...> Это тоже небольшая тропа к бессмертию, а именно ступень к Парнасу» [Переписка Карла Бэра по проблемам географии, 1970. Т. 1, с. 141].

Одним из способов развития краниологической коллекций было изготовление, покупка или обмен гипсовыми слепками. Учитывая опыт му-

¹Оригинал на немецком – Nachrichten über die ethnographisch-kraniologische Sammlung der Kaiserlichen Akad. der Wissenschaften zu St. Petersburg. // Bull. Cl. Phys.-math. Acad. Sc. St. Petersburg, 1859. Vol. XVII. N 12–14. P. 177–211. Переведен в 1858 г. на русский Н.Я. Данилевским и опубликован в «Русском вестнике» в 1859 г. [Бэр, 1859].



Илл. 4. Череп из собрания Й. Пейча с надписью «Яванка. Пейч». МАЭ 5499-50

зеев Англии, Франции, Дании, Швеции, где начали организовывать коллекции из гипсовых слепков с редких черепов и гипсовых бюстов, представлявших типы разных народов, Бэр уже в 1843 г. предложил Академии основать коллекцию гипсовых слепков черепов как дополнение коллекции черепов и для обмена с зарубежными музеями [Карл Бэр и Петербургская Академия наук, 1975, с. 95–97]. В последующие десятилетия в Антропологическом музее Академии наук было налажено изготовление гипсовых слепков и форм для обмена с зарубежными музеями. Художник Гейзер изготовил для Академии наук не только формы черепов, но и ряд скульптур представителей различных народов (МАЭ № 4292).

Важным этапом для развития антропологических методик стало предложение Бэра использовать фотографию для комплексного сравнительного антропологического изучения. В упоминавшейся статье «Известиях о черепах разных

народов...» он отмечал важность фотографических портретов разных народов: «Наука, которая в своих изысканиях всегда должна быть осмотрительна и спокойна, тогда лишь будет в состоянии высказать основанное на доказательствах мнение о влиянии образа жизни на очертание лица, когда один и тот же ученый будет иметь возможность сравнить множество верных портретов, снятых с лиц того же народа, но из различных местностей и ведущих различный образ жизни» [цит. по: Карл Бэр и Петербургская Академия наук, 1975, с. 19].

Приведем конкретный пример отношения Бэра к антропологической фотографии. В апреле 1861 г. на заседании Физико-математического отделения Академии наук К. Бэр представил Академии фотографии жителей Уральской степи из экспедиции Н.А. Северцова в низовья Сырдарьи. По мнению Бэра, фотографии могли служить материалом для антропологических исследований различных народов: «Они изображены точно в профиль и точно en face – с непокрытой и обритой головой. Тем самым они делают наглядное представление о длине, высоте и ширине черепа». Получение фотографий живых людей было значительно проще, нежели получение большого количества черепов, «по таким фотографиям удобнее найти средние относительные величины и судить о величине отклонения в одном и том же племени». В заключение Бэр предложил использовать фотографию для сбора антропологических данных в будущих экспедициях [Карл Бэр и Петербургская Академия наук, 1975, с. 108].

Карл Эрнст фон Бэр стал одним из организаторов Музея антропологии и этнографии Академии наук. В этом музее были объединены Этнографический музей, Анатомический, или Антропологический кабинет, созданные в 1836 г. на основе собраний Кунсткамеры Академии наук. В 1860 г. директор Анатомического кабинета императорской Академии наук К.Э. фон Бэр и директор Этнографического музея Ф.А. Шифнер предложили создать в Академии наук музей, включающий археологические, антропологические и этнографические коллекции [Станюкович, 1964, с. 64]. Решение по этому вопросу было принято Академией наук спустя два года после кончины Карла Эрнста фон Бэра. На заседании 5 декабря 1878 г. было отмечено, что Академия изыскала возможности для преобразования Этнографического музея в Музей по антропологии и этнографии. Одной из предпосылок реорганизации музея было активное развитие антропологического знания, «оживившего» этнологию и этнографию. Россия

представляла обширное поле для исследований разнообразия населяющих ее народов, истории древних культур, благодаря находкам, относящимся к каменному и бронзовому веку [Записки Императорской академии наук. 1879, т. 34, с. 20].

10 ноября 1879 г. создание Музея антропологии и этнографии было утверждено Государственным советом. Антропологическая экспозиция, принципы которой заложил Карл Бэр, состояла из остеологического отдела, пластических воспроизведений антропологических типов и фотографий различных народов. Процитируем документ, описывающий ее состав:

«Череп, числом 61, разделены на:

а. черепа этнологические, сгруппированные по народностям, в числе которых группа черепов из пределов Российской Империи ... 279 №№

б. черепа, вырытые из курганов и древних могил России ... 197 №№

Скелетов:

человечьих (разных возрастов) ... 26

животных (для сравнения) ... 4

Слепки голов от <неразб.> музея ... 4.

Разные части таковые ... 3

Головы новозеландцев татуированные в сушеном виде ... 3.

Голова текинца в спирте из компании 1880 ... 1

II. Пластическое собрание народных типов

В виде масок, снятых с живых людей, преимущественно типов Средней и Южной Азии ... 61 №№

III. Фотографическое собрание народных типов

Благодаря двум крупным пожертвованиям отдел этот возрос довольно быстро, а именно пожертвования:

В 1880 от б[ывшего] военного губернатора Туркестанской области Кауфмана – коллекция народных типов Средней Азии ... 120 №№ (илл. 5).

В 1881 б[вышего] Наместника Кавказского Великого Князя Михаила Николаевича коллекция типов кавказских народов... 120 №№» [Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук. Ф. 142. Оп. 1-1918. Д. 32. Л. 1 – 1 об.]» (Илл. 6.)

Таким образом, благодаря организаторским усилиям и научным достижениям академика Карла Эрнста фон Бэра в Академии наук с 1840-х гг. сформировалась специальная самостоятельная структура, призванная быть развивающейся научной источниковедческой и исследовательской базой для российской антропологии.



Илл. 5. Альбом «Типы народностей Средней Азии»: калмычка, 19 лет. Ташкент. 1876. Из собрания К.П. фон Кауфмана. МАЭ И 2205-85

Библиография

Бэр К. Известия о собрании черепов в Императорской С.-Петербургской академии наук // Русский вестник, 1859, Т. 21. Кн. 1. С. 3–28.

Записки Императорской академии наук. СПб., 1879. Т. 34.

Карл Бэр и Петербургская академия наук: Письма деятелям Петербургской Академии / сост., авт. предисл. Т.А. Лукина, ред. И.И. Канаев. Л.: Наука, 1975. 246 с.

Переписка Карла Бэра по проблемам географии. В 3 т. / Публикация, пер. и примеч. Т.А. Лукиной. Л.: Наука, 1970. Т. I. 332 с.

Станюкович Т.В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет // 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред Л.П. Потапов. М.; Л.: Наука, 1964. С. 5–150.

Хартанович М.Ф. Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб.: Наука. 1999. 222 с.

Daugherty F.W.P. The Correspondence of Johann Friedrich Blumenbach. Gottingen, 2010. Vol. III. 1786–1790. 780 p. Memoires de l'Academie Imperiale des Science de St. Petersbourg. St. Petersbourg. 1815. Vol. 5.

Контактная информация:

Хартанович Валерий Иванович: e-mail: vkhartan@kunstkamera.ru;

Хартанович Мария Валерьевна: e-mail: markhan@kunstkamera.ru.



Илл. 6. «Имеретин». Грузия. Фотография Д.А. Никитина. XIX в. Из собрания вел.кн. Михаила Николаевича. МАЭ 121-67

**KARL ERNST VON BAER – ARCHITECT OF CRANIOLOGICAL
COLLECTION OF PETER THE GREAT MUSEUM OF
ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY (ON THE HISTORY OF
RUSSIAN ANTHROPOLOGICAL COLLECTION DEVELOPMENT)**

V. Hartanovich, M. Hartanovich

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg

The initial stages and principles of craniological holdings foundation in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography are reviewed. Academician Karl Ernst von Baer's contribution to the development of anthropological museum and research collection: its structure and completion is emphasized.

Keywords: Kunstkamera, Academy of sciences, history of anthropology, craniological collections, anthropological photography, Karl Baer